

— Невестка третьего сына, хорошо, что ты так мыслишь.

Старая госпожа, увидев, что Цянь-ши так благоразумна, с облегчением вздохнула и кивнула. Увидев Гу Хайли, которая тихо плакала, явно переживая горе, она вспомнила свою дочь, которая много лет находилась во дворце и, несмотря на болезнь, всё ещё заботилась о клане Гу. Её взгляд стал немного мягче, и она, поманив Гу Хайли, необычно ласково позвала:

— Хайли, подойди, пусть бабушка на тебя взглянет.

Гу Хайли была робкой и застенчивой, немного похожей на прежнего Гу Чжису. Однако с детства она была законной дочерью, и её робость проявлялась только по отношению к Старой госпоже и Цянь-ши. Сейчас её жалкий вид был вызван в основном тем, что она внезапно должна была выйти замуж, да ещё и в глубины дворца, что вызывало у неё тревогу. Это несколько смягчило её горе и растерянность, вызванные смертью отца.

Услышав ласковый зов Старой госпожи, она, со слезами на глазах, подползла на коленях, бросилась к ней и тихо зарыдала:

— Бабушка...

Старая госпожа смотрела на Гу Хайли, слёзы текли по её лицу, а в глазах читался страх. Казалось, в ней она видела тень своей дочери Гу Вэньюй, которая покинула её много лет назад. Все эти годы она думала, что без всяких сомнений именно Гу Хайтан, гордая законная дочь, войдёт во дворец. Но, как ни странно, выбор пал на Гу Хайли.

Сравнивая Гу Хайтан и Гу Хайли, Старая госпожа больше симпатизировала характеру последней. Гу Хайли была больше похожа на Гу Вэньюй. Увидев, как она плачет, Старая госпожа снова почувствовала горе от потери сына. Её голос стал чуть более дрожащим, и она, поглаживая её длинные волосы, тихо сказала:

— Хорошая моя девочка, когда попадёшь в Восточный дворец, бабушка не сможет часто тебя видеть...

— Бабушка...

Гу Хайли, вся в слезах, опустила голову и молчала. Гу Вэньмянь бросил на неё взгляд, не разглядел выражения лица, но заметил в глазах Цянь-ши подобие лести. В его глазах мелькнуло удовлетворение, которое он быстро скрыл.

Старая госпожа, сидящая наверху, с покрасневшими глазами посмотрела на них и тихо сказала:

— Раз уж это решено, вам здесь оставаться незачем. Третий сын только что ушёл, остались вы двое. В будущем, когда у меня не будет сил, я не смогу следить за вашими делами. Только надеюсь, что вы будете живы и здоровы.

Услышав слова Старой госпожи, Гу Вэньмянь, хотя и не так остро, как раньше, почувствовал уныние. Он не смог сдержать вздох.

— Матушка...

Старая госпожа махнула рукой, подняла Гу Хайли и велела Матушке Суй принести ей стул. На её лице тоже появилась печаль, и она больше не смотрела на Гу Вэньмяня:

— Дела третьего сына обсудите сами... Старший провожает младшего, он действительно смог это вынести...

Гу Вэньмянь, достигнув своей цели, был доволен. Услышав это, он сделал озабоченное лицо и поспешно произнёс:

— Матушка, не печальтесь, сын страшно виноват.

Старая госпожа была слишком мудра, чтобы не понимать его замыслов. Однако учитывая, что третья ветвь потеряла своего оплота, действительно нужен был кто-то, кто войдёт во дворец и станет поддержкой для третьей ветви. Поэтому она закрыла глаза на то, как Гу Вэньмянь устраивает это дело. Теперь, когда всё было решено, в её сердце была только печаль от потери сына, старшего, провожающего младшего, и она не хотела больше ничего говорить.

— Пусть Хайли останется, побудет со мной, старухой, поговорит, а потом уйдёт.

Гу Вэньмянь кивнул и тихо ответил:

— Да, матушка.

Когда Синь-ши и Гу Хайчао вышли вслед за Гу Вэньмянем, они заметили, что Гу Чжису и Гу Чжимин неподалёку. Гу Вэньмянь хотел было повернуться, чтобы дать указания Гу Хайчао, но, увидев идущих позади сыновей наложниц, слегка нахмурился и тихо приказал:

— Вы двое, возвращайтесь в свои дворы. Без вызова не выходите.

Гу Чжису уже ожидал, что на такое важное дело Гу Вэньмянь не позволит ему или Гу Чжимину присутствовать. Он не проявил эмоций, делая вид, что не замечает завистливого взгляда Гу Чжимина, устремленного на Гу Хайчао, и почтительно поклонился:

— Да, отец.

Гу Хайчао, глядя на почтительное выражение лица Гу Чжису и его быстро удаляющуюся фигуру, почувствовал, как Гу Чжимин с недовольством смотрит на него. В его глазах мелькнула тень убийства, но на лице оставалось спокойствие. Он даже не посмотрел на Гу Чжимина и тихо сказал:

— Отец, тогда я...

— Иди со мной, посмотрим на твоего третьего дядю.

Сейчас важнее всего дела, и Гу Вэньмяню не было дела до того, как сын наложницы относится к законному брату. Отдав указания Гу Хайчао, он повернулся к Синь-ши:

— Пойди к невестке второго сына, обсудите, как сообщить новость в другие дома. Также нужно передать весть во дворец, чтобы они знали о случившемся с третьим братом.

Синь-ши, быстро сообразив, не стала спорить и, опустив голову, тихо ответила:

— Да, князь.

— Нет, подожди...

Гу Вэньмянь, уже собиравшийся уйти, вдруг вспомнил что-то важное и, резко развернувшись,

добавил:

— Траурной одеждой и гробом заниматься не надо. Переоденься и сейчас же иди во дворец. Расскажи императрице о положении в третьей ветви и лично доложи о деле Гу Хайли. Попроси императрицу немедленно прислать наставницу-мамушку. Завтра я тоже подам доклад, чтобы разъяснить это дело. Думаю, император не будет возражать. Свежий траур длится всего месяц, и чтобы выдать Хайли замуж, нужно многое успеть. Тебе придётся потрудиться.

Синь-ши кивнула, увидев, что он снова собирается уйти, на этот раз медленно сказала:

— Князь, а как насчёт Хайтан...

Услышав упоминание о Гу Хайтан, взгляд Гу Вэньмяня сразу потемнел.

Синь-ши всегда любила Гу Хайтан, и он не мог позволить ей сделать ничего, что разрушит этот тщательно продуманный план. Поэтому, услышав её вопрос, он строго посмотрел на неё:

— Пока скрой это, или выбери момент, чтобы отправить Хайтан за пределы усадьбы Гу — в семейный храм или обратно в старое поместье. В будущем просто обеспечив её едой и одеждой до конца жизни.

Синь-ши поняла предупреждение в его словах, но не придавала этому значения. Гу Хайтан скоро покинет клан Гу, и тогда у Гу Хайчао не будет больше забот. Гу Вэньмянь тоже не будет против, возможно, даже похвалит их за это:

— Князь прав, я непременно последую вашим указаниям.

— Хорошо.

Гу Вэньмянь внимательно посмотрел на лицо Синь-ши и, не видя недовольства, немного успокоился. Он тайно решил всё же поставить стражников в Двор Линьцзян на всякий случай, но на лице его появилось мягкое выражение:

— Сегодня я и Хайчао, вероятно, не вернёмся. Ложись спать пораньше, завтра будет много дел.

Синь-ши давно не слышала, чтобы Гу Вэньмянь говорил с ней таким мягким тоном. На мгновение она почувствовала не радость, а лишь странную насмешку. Её пальцы сжались в рукаве, и она тихо сказала:

— Спасибо за заботу, князь.

Вернувшись в Двор Жунли, Гу Чжису кивнул Ляньчжу и Ху Я, наблюдая, как они закрывают ворота, и продолжил медленно идти в дом. Цинхуань, шедшая следом, увидев это и спокойствие Ляньчжу и Ху Я, слегка запаниковала и тихо спросила:

— Молодой господин, мы действительно должны подчиниться приказу князя и не выходить из двора ни на шаг?

Гу Чжису, увидев её испуганное выражение, улыбнулся и, похлопав её по плечу, тихо сказал:

— Не выходить ни на шаг невозможно, иначе как мы будем есть и пить.

Цинхуань, увидев, что Гу Чжису не беспокоится, стала ещё более тревожной:

— Молодой господин, вы же знаете, что я не об этом!

— Цинхуань.

Гу Чжису понимал, что она беспокоится о нём из-за его фактического заточения. Он улыбнулся и, повернувшись к ней, тихо сказал:

— Это дело касается третьей ветви и не имеет отношения к первой, кроме того, что отец скрыл смерть третьего дяди. Я всего лишь сын наложницы, и в этом деле лучше всего сохранять тишину. Это не домашний арест — или ты хочешь, чтобы я что-то сделал?

Цинхуань, услышав, что это не домашний арест, и обдумав его слова, невольно кивнула, решив, что он прав:

— Молодой господин прав... Это я слишком много придумываю.

<http://bllate.org/book/16652/1526421>